Старина про Дюка Степановича

Было у Дюка испостроено,
Все было у Дюка исподелано:
Дом у его на семи верстах,
А и крыт он медью казарскою,
Еще котора была дороже красна золота;
Огородочка была да на семидесяти верстах,
Еще триста столбов да серебряных,
Еще четыреста столбов да позолоченыих,
А и медными да железным еще счету нет.
В дому его было три церкви, три Божиих:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушке.
Просился Дюк сын Степанович:
«Пусти-ка меня, мати, ко князю ко Владимиру,
Еще на людей посмотреть да себя показать»! —
«Уж ты гой еси, мое чадушко, родимое да любимое,
Ты еще годами молодешенек, а умом глупешенек;
Поедешь ко Владимиру, еще прирасхвастаешься
Своим житьем-бытьем да богатством!»
А и поехал тут Дюк да не дорогою,
Выезжал ли Дюк да не воротами;
Горы да долы промеж ног он брал,
Быстрыя реки перескакивал.
Приезжает он во крашен Киев-град,
Скакал он через стену городовую,
Перескакивал через башни наугольныя,
Доезжал до князя до Владимира.
Оставлял он коня не приказана да не привязана;
Заходил Дюк да на красно крыльцо;
Заходил он да во новы сени —
Новыя сени выгибалися.
Заходил тут Дюк да во светлу гридню:
«Уж ты гой еси, княгинюшка Апраксия!
Уж и где у нас Владимир да стольно-киевский?»

Владимира да дома не случилося,
Владимир-то был во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился.
Поехал тут Дюк сын Степанович
Ко той ли да ко Божьей церкви.
Становил коня не приказана да не привязана,
Сам пошел Дюк да во Божью церковь,
Становился Дюк во местечко гостиное.
На отходе у Владимира служба стала,
Посылал да Владимир своих слуг верных:
«Уж вы гой еси, да слуги верные!
Вы спросите-тко да добра молодца,
Какого он отечества, какого молодечества?»
Говорил он им: «Зовут меня Дюк Степанович».
Подходил тут Владимир стольно-киевский
Ко тому ли да добру молодцу:
«Уж ты здравствуй-ка, Дюк Степанович!
Просим милости ко мне хлеба-соли есть,
Хлеба-соли есть да пиво с медом пить!»
Пошли они из Божьей церкви
Сели на коней своих добрых.
Едет Дюк ступью бродовою,
А Владимир едет во всю рысь лошадиную.
Доехали до палат княжевских —
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сени,
Заходили они во светлу гридню.
Садились они за столы за дубовые,
Садились они за скатерти за перчатныя,
Садились они за кушанья за сахарныя,
Садились они за столы за медвяные.
Принесла тут княгиня перву еству калачики —
Верхню-то корочку Дюк ест,
А исподню-то под стол спущает.
Говорил тут Владимир да стольно-киевский:
«Что ты, Дюк да сын Степанович,
Верхню корочку ешь, а исподню под стол спущаешь?»
Говорил ему Дюк Степанович:
«Пахнут у вас калачики да на сосенку:

Пашут у вас печи да помелышками сосновыми,
Да купают помелышки в ключевой воды.
У меня-то матушка да испечет калачики:
Первый съешь — да пуще хочется,
И второй-то съешь — да пуще хочется,
На третьей-от калачик душа бежит.
А и пашет она помелышками шелковыми,
А кунат-то она помелышки да в медову воду!»
И расспорил тут Дюк да со Владимиром:
«Проношу, говорит, три года платье на обновочку!»
И выискалось тут три боярина у Владимира:
«Проносим, говорят, и мы три года платье на обновочку!»
Носили те бояра платье на обновочку,
А носили оне год да полгода.
А Дюк-то Степанович носил три года,
А и каженный день носил он сапожки шиты красным золотом,
Высажены сапожки скатным жемчугом.
Посылал тут Владимир Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
«Поезжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушке,
Отнимите вы все его именье-богачество!»
Уж и говорит им Дюк Степанович:
«Уж вы гой еси, Алешинька Попович да Илеюшка Муромец!
Уж накланяетесь вы моим да портомойницам
Вместо моей родимой матушки!..»
Приехали они да ко Дюкову дому,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они да во светлу гридню
И кланялись они Дюковым портомойницам
Вместо Дюковой родной матушки.
Говорят им портомойницы:
«Мы не Дюкова родна матушка,
Мы ли да портомойницы!
Дюковой матушки дома не случилося,
Дюкова матушка да во Божьей церкви!»
Пошли тут они да во Божью церковь,
А навстречу им идут да портомойницы:
Они кланяются да тем портомойницам,
Да вместо Дюковой родной матушки...

А Дюкова матушка позади идет:
По косичкам у ей часты звезды,
На затылке у ей млад ясен месяц,
А во лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушке.
Говорит-то им да Дюкова матушка:
«Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
Просим милости хлеба-соли есть, да пива с медом пить!» —
«Мы пришли к тебе не хлеба-соли есть:
Мы пришли к тебе именье-богачество описывать!»
Заводила она их да во перву комнату —
Не могли они описать всего имения и в одной комнате.
Тут приносила она им перву яству — колачика:
Уж как первый съешь — пуще хочется,
И второй-от съешь — да пуще хочется,
На третьей-от калачик душа бежит.
Тут поехали они ко князю ко Владимиру
И рассказали ему все, что с ними прилучилося.
И похвастал тут Дюк Степанович:
«Ты продай, — говорит, — крашен Киев-град,
Да купи-ко бумаги со чернилами —
Поезжай да описывай мой широкий двор!» —
«Уж вы гой еси, Илья Муромец, Добрынишка да Алешинька,
Поедем-ко скакать через быстру реку
На тех же конях добрыих!..»
Приразъехались удалы да на три поприща —
Скакал первый Дюк Степанович:
Добрый конь его горы промеж ног брал,
Выскакивал он да через быстру реку.
А и не могли те выскочить через быструю —
Тут-де они и уходилися!

(Зап. А. М. Никольским, вероятно, в 60-е гг. XIX в.: г. Мезень.)

Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 2: Народная словесность // Изв. ИОЛЕАЭ. М., 1878. Т. 30, вып. 2.